
КСЕНИЯ СОБОЛЕВА
Счастливая свадьба
Сегодня начинается их счастье
РАЗВОД В 54.
НА СВАДЬБЕ СЫНА
ТЕБЕ НЕ МЕСТО

Ксения Соболева

Развод в 54. На свадьбе сына тебе не место!

«Литнет»

2026

Соболева К.

Развод в 54. На свадьбе сына тебе не место! / К. Соболева — «Литнет», 2026

«На свадьбу нашего сына я пойду с любовницей. А тебя отправим в санаторий», — объявил муж, пока я стояла в прихожей с новым платьем в руках. Наш сын сидел рядом и молчал.Мне пятьдесят четыре, и тридцать один год я считала, что у нас семья. Теперь муж предлагал записать поздравление, чтобы гости увидели счастливую мать, которая якобы сама решила уехать.
А сын наконец поднял глаза и попросил согласиться: меня уговорить легче, чем любовницу отца.Но исчезнуть со свадьбы оказалось недостаточно. Муж собирался оставить нашу квартиру себе и другой женщине, а моё наследство продать ради обещанного молодым жилья. Мне после этого предлагалось снять что-нибудь недорогое.Он был уверен, что ради сына я снова уступлю. Даже успел объявить родственникам, будто мы обо всём договорились.«Скажи им сама», — попросил он, когда мы собрались за одним столом. Я открыла сохранённые сообщения и впервые за этот вечер улыбнулась. Он ещё не знал, какие именно его слова я сейчас прочитаю вслух.

© Соболева К., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Платье для свадьбы сына 5
Глава 2. Полгода молчания 11
Глава 3. Квартира моей матери 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Глава 1. Платье для свадьбы сына

У подъезда Нина перехватила пакет повыше, чтобы не задеть им грязный сугроб, и боком обошла лужу. За последние два дня снег осел, обнажив под скамейкой прошлогодние листья, а с козырька так часто капало, что пришлось накинуть капюшон. Платье в пакете было закрыто тонким прозрачным чехлом, но Нина всё равно берегла его от воды: в ателье его только что отпарили, бережно расправили складки и попросили дома сразу повесить на плечики. Она могла бы забрать его завтра, по дороге из клиники, где работала администратором, однако не захотела ждать. Хотелось ещё раз примерить перед своим зеркалом, с туфлями, которые давно лежали в коробке на верхней полке.

Платье оказалось чуть светлее, чем она привыкла носить, — синим, с мягким сероватым отливом, и при первом взгляде Нина решила, что для неё оно слишком нарядное. Ася, которой она послала фотографию из примерочной, ответила почти сразу: «Нина Павловна, пожалуйста, берите это». Потом прислала ещё одно сообщение, уже без всякого отношения к покупке: ей нравилось, как Нина на снимке улыбается. Это и решило дело. До июльской свадьбы оставалось четыре месяца, спешить было некуда, но Нина уже представляла, как встанет рядом с сыном для общей фотографии, и ей хотелось хоть на этот раз не прятаться за чужими плечами. В пятьдесят четыре года она хорошо знала, с какой стороны лучше подходить к зеркалу, чтобы не сразу замечать всё, что в себе разонравилось; сегодня в ателье поворачивалась перед ним свободно и даже попросила портниху немного укоротить рукав.

В прихожей стояли ботинки Дениса. Один он, как всегда, снял, наступив носком другого на задник, и Нина машинально нагнулась поправить смятую кожу, прежде чем вспомнила о пакете в руке. В будний вечер сын редко приезжал без предупреждения, обычно звонил ещё с работы и спрашивал, осталось ли что-нибудь поесть. Нина обрадовалась, что сын заехал именно сегодня: будет кому показать платье. Вадим видел фотографию, но ответил на неё только значком с поднятым большим пальцем, и она толком не поняла, понравилась ли ему покупка. Пока Нина расстёгивала пальто, голоса в кухне стихли. Никто не вышел ей навстречу.

— А я смотрю, знакомые ботинки, — сказала Нина, появившись в кухонных дверях, и улыбнулась сыну. — Ты бы позвонил, я бы что-нибудь купила к чаю. У меня запеканка со вчерашнего дня, сейчас разогрею. — Она поставила сумку на свободный стул и приподняла пакет, показывая, чем была занята. — Забрала наконец. Там всего-то было работы, рукава да немного по бокам, а всё равно три раза пришлось ездить.

Денис посмотрел на пакет, потом на отца, и улыбка у него вышла неловкой, словно Нина застала их за чем-то несвоевременным. Вадим сидел на своём обычном месте, лицом к двери; перед ним стояла чашка, а рядом лежал телефон, перевёрнутый экраном вниз. Домашнюю рубашку он застегнул до предпоследней пуговицы и сидел прямо, не прислоняясь к спинке. Таким Нина видела его, когда он объяснял по телефону кому-нибудь из подчинённых, почему работу придётся переделать: голос ещё спокойный, выражение лица почти приветливое, а возражать уже бесполезно. Она повесила пакет на спинку стула и потянулась к холодильнику, стараясь не придавать значения их молчанию.

— Нин, оставь пока ужин, — произнёс Вадим и указал на место напротив себя. — Нам поговорить нужно. Я Дениса специально попросил приехать, чтобы потом не объяснять каждому отдельно. — Он отодвинул чашку, освобождая перед собой чистый участок стола, и посмотрел жене в лицо. — Садись. Это не на две минуты.

Нина осталась возле холодильника, держась за ручку. Ей прежде всего стало страшно за сына: он сидел, опустив плечи, и тёр подушечкой большого пальца угол телефонного чехла. Если бы случилось что-то с Асей, он бы, наверное, сразу сказал, но Нина всё равно посмотрела на него внимательнее, пытаясь определить по лицу, плакал ли он. Вадим повторил её имя,

уже с лёгким нетерпением. Тогда она выдвинула стул, села на самый край и положила руки на колени, поверх ещё влажной от мартовской сырости юбки.

— У меня другая женщина, — сказал Вадим. Он сделал короткую паузу, но, прежде чем Нина успела хотя бы вдохнуть, продолжил: — Это серьёзно. Я понимаю, что тебе будет тяжело, и мне неприятно говорить об этом вот так, однако дальше откладывать нельзя. Мы с тобой будем разводиться. Я хочу, чтобы всё прошло спокойно.

Нина смотрела на маленькое пятно у его манжеты. Утром он задел рукавом край тоста, на котором было масло, и она ещё предложила переодеться, но Вадим торопился, отмахнулся: под пиджаком не видно. Сейчас почему-то именно это пятно мешало понять сказанное. Человек в рубашке, которую она сегодня подавала ему с сушилки, сидел за их столом и сообщал, что больше не хочет с ней жить; при этом говорил почти теми же словами, которыми на прошлой неделе обсуждал перенос своего отпуска. Она посмотрела на Дениса. Сын не удивился, не повернулся к отцу, не переспросил. Он только сильнее прижал большой палец к углу чехла.

— Подожди, — сказала Нина и сама услышала, какой тихой получилась просьба. — Что значит «будем»? Ты уже всё решил? — Она придвинулась к столу, будто на меньшем расстоянии можно было лучше расслышать ответ. — Вадим, ты сейчас говоришь, что уходишь от меня? Или что у тебя кто-то был и ты решил мне об этом рассказать?

— Я же сказал: это серьёзно, — ответил он, нахмурившись не сердито, а с тем терпеливым усилием, с каким повторял плохо понятую мысль. — Её зовут Элина. Мы хотим быть вместе, и скрывать это я больше не собираюсь. К июлю я рассчитываю закончить с разводом, чтобы на свадьбе Дениса не было ни двусмысленности, ни недомолвок. — Он снова посмотрел на сына, ненадолго, но Нина заметила этот взгляд. — Поэтому и разговариваем сейчас, заранее.

Она не знала никакой Элины. Среди его сослуживиц были Светлана, которая ежегодно собирала деньги на подарки, и Ольга из соседнего отдела, однажды отвозившая их домой после общего праздника; иногда мелькали другие имена, которым Нина не придавала значения. Теперь захотелось спросить сразу обо всём: где они познакомились, когда, почему он пришёл домой сегодня, если уже хочет жить с ней. Вместо этого Нина несколько раз разгладила юбку на колене. Вадим ждал, и от его готовности отвечать по существу становилось труднее выговорить то, что действительно болело.

— Сколько ей лет? — спросила она наконец и подняла на него глаза. Нина не собиралась задавать этот вопрос, даже почувствовала досаду на себя, едва услышала собственный голос, но остановиться уже не могла. — Эта Элина… Она Дениса знает? Вы поэтому здесь вдвоём сидели, ждали меня?

— Тридцать шесть, — ответил Вадим. Остальную часть вопроса он оставил без внимания и провёл ладонью по столу, смахивая невидимую крошку. — Нин, давай сейчас не будем искать, к чему придраться. Мне пятьдесят семь, я прекрасно понимаю, что делаю, и говорить, будто меня кто-то увёл, не надо. Я сам принял решение. На свадьбу я приду с ней.

Нина успела только повернуть голову к пакету на соседнем стуле. Сквозь прозрачный чехол виднелась узкая полоса синей ткани; сверху, под ручками, поблёскивал металлический крючок плечиков. В ателье она сняла серёжки, чтобы не зацепить ими платье, и убрала в карман сумки. Теперь вспомнила об этом с ненужной ясностью, даже захотела проверить, не потерялись ли. Сесть за свадебный стол рядом с Вадимом и чужой женщиной, улыбаться гостям, поднимать бокал — она попробовала представить себе всё это и почувствовала, как под языком собирается слюна.

— А я где буду? — спросила Нина, глядя уже на мужа. — Ты подумал об этом? Я должна сидеть и смотреть, как ты её всем представляешь? — Голос наконец стал громче, и Денис пошевелился, будто именно этого и опасался. Нина заметила его движение и невольно понизила тон. — Это свадьба моего сына, Вадим. Моего тоже, если ты забыл.

— Поэтому я и предлагаю всё устроить так, чтобы никто не мучился, — сказал он. Нина ещё не успела понять, к чему относится это «поэтому», а муж уже продолжал, чуть наклонившись вперёд: — Возьмём тебе хороший санаторий. Ты давно собиралась отдохнуть, сама говорила, что спина болит и на работе устала. Поедешь на неделю, как раз захватишь свадебные выходные. Денису будет спокойнее, и тебе не придётся сидеть с натянутой улыбкой. Путёвку я оплачу, об этом даже не думай.

На последних словах Нина перестала чувствовать край стола под ладонью и прижала к нему пальцы сильнее. Сначала ей показалось, что муж говорит о неделе после свадьбы, о какой-то неуклюжей попытке загладить то, что он сейчас делает. Она даже ждала, что Вадим поправится, уточнит даты, рассердится на её непонимание. Но он замолчал и смотрел на неё с выжидательным выражением, с которым обычно предлагал вполне приемлемые, по его мнению, условия. Нина перевела взгляд на сына. Денис сидел совсем рядом, можно было дотянуться до его руки, и она отодвинула лежавшую между ними салфетницу.

— Денис, ты слышал, что отец сказал? — спросила она. Сын кивнул, не поднимая головы, и Нина подождала, заставляя себя не торопить его. — Он предлагает, чтобы меня на вашей свадьбе не было. Чтобы вместо меня приехала женщина, с которой он… — Она не договорила, потому что Денис наконец посмотрел на неё. — Скажи ему. Ты же понимаешь, что он сейчас предлагает?

— Мам, я понимаю, — ответил Денис и положил телефон на стол, аккуратно совместив его край с рисунком на скатерти. — Но ты сама представь, как всё будет. Ты, папа, она, родственники с обеих сторон. Кто-нибудь обязательно что-нибудь скажет, ты обидишься, папа ответит, и весь день пойдёт насмарку. — Он сглотнул и заговорил быстрее, пока Нина не успела возразить. — Я тебя прошу, согласись. Мы с Асей столько готовимся, столько уже всего выбрали. Мне хочется, чтобы у нас хотя бы свадьба прошла нормально.

Она смотрела на его щёку, гладко выбритую, с маленьким порезом возле уха, и не сразу могла соединить знакомое лицо с этой просьбой. Денису было двадцать девять; он давно жил отдельно, работал, сам решал, с кем и как ему быть. Но ещё зимой, когда простудился перед поездкой, звонил ей вечером, перечислял, что нашёл в домашней аптечке, и терпеливо выслушивал, как она ругает его за привычку ходить без шарфа. Теперь он ждал от неё такого же обычного, материнского согласия: хорошо, конечно, если вам так будет лучше. Нина убрала руку от салфетницы и сцепила пальцы на коленях.

— А если я скажу, что скандала не будет? — спросила она. Ей стало стыдно за то, как быстро она согласилась обсуждать условия, при которых её пустят на свадьбу сына, но договорить всё же пришлось. — Я не стану с ней разговаривать. Не подойду к вашему отцу, сяду с тётей Таней, куда угодно. Почему уезжать должна я? Можно ведь просто не приводить туда Элину.

— Потому что я не собираюсь ещё четыре месяца делать вид, будто ничего не изменилось, — вмешался Вадим. Он сказал это негромко, но Денис сразу отвёл глаза от матери к нему. — Мы взрослые люди и можем один день организовать без взаимных унижений. Ты сама только что спросила, как тебе сидеть рядом с ней. Я предложил выход. Зачем теперь уговаривать всех, что ты прекрасно выдержишь?

— Родственникам что скажете? — спросила Нина после паузы. Она вспомнила, как старшая сестра ещё в январе договаривалась на работе об отпуске, чтобы приехать заранее и помочь, и впервые за весь разговор почувствовала злость, достаточно простую, чтобы за неё удержаться. — Таня приедет, спросит, где я. Что ей Денис ответит? Мама решила, что в санатории интереснее, чем у собственного сына на свадьбе?

— Скажем, что ты сама захотела уехать, — ответил Вадим. Он не изменил позы, только откинул голову чуть назад, словно её вопрос подтверждал необходимость дальнейших объяснений. — Устала, захотела побыть одна, имеешь полное право. Никто перед твоей сестрой отчи-

тываться не обязан. Поздравление заранее запишешь, включим на экране. Сейчас так делают, когда человек не может приехать, ничего в этом страшного нет. Денис потом привезёт фотографии, всё расскажет.

Нина посмотрела на сына так пристально, что он потянул ворот футболки у горла. Ей хотелось, чтобы он хотя бы сейчас перебил отца, сказал, что никакого поздравления на экране не нужно, потому что мать будет рядом. Она готова была ухватиться за самую слабую попытку возразить: за недовольный взгляд, за неловкую шутку, даже за просьбу отложить разговор. Денис молчал. За его спиной на холодильнике висела фотография, сделанная прошлым летом на даче: Ася смеялась, придерживая рукой волосы, а он обнимал её за плечи и жмурился от солнца. Нина сама распечатала этот снимок, потому что ей нравилось, каким счастливым на нём получился сын.

— Мам, ну пожалуйста, — произнёс Денис. Он подался к ней и протянул руку, но остановился, не коснувшись её локтя. — Я понимаю, что тебе обидно. Только я ведь не виноват, что у вас с папой так получилось. Я не могу это исправить, понимаешь? — Он провёл ладонью по лицу и посмотрел в сторону окна. — Не надо делать так, чтобы я за вашу жизнь отвечал. Я просто хочу жениться, и всё.

— Вот именно, — подхватил Вадим, прежде чем Нина успела ответить. Он повернулся к сыну и заговорил деловито, почти буднично: — Мы же с тобой обо всём договорились. Ресторан выбрали, деньги на оставшуюся оплату я тебе уже перевёл. Всё, что обещал, я делаю. Теперь давай и дальше без неприятных неожиданностей. — Вадим взял чашку, обнаружил, что она пустая, и поставил обратно. — У нас ещё хватает забот. Не нужно создавать их там, где можно нормально договориться.

Денис коротко кивнул. Нина ждала, что он после этого посмотрит на неё, но сын занялся телефоном: разблокировал, провёл пальцем по экрану и снова погасил его. Свою часть расходов на ресторан Нина внесла ещё зимой, сразу после того, как они с Асей съездили туда и выбрали зал. Тогда ей запомнилось широкое окно, возле которого невеста хотела поставить стол для молодых; они стояли у этого окна, обсуждали цветы, и Нина беспокоилась только о том, не будет ли слишком жарко в июле. Сейчас она не стала напоминать о деньгах. Денис и без напоминания знал, кто ездил с ним в ресторан и кто вечером пересчитывал оставшееся, прикидывая, можно ли уже покупать платье.

Нина встала, потому что сидеть под их взглядами больше не могла. Достала из холодильника стеклянную форму с запеканкой, сняла крышку и поставила форму в микроволновку. Дверца закрылась со знакомым сухим щелчком, заработал вентилятор, и в кухне стало немного легче дышать: теперь паузу заполнял хотя бы этот звук. Она вынула из ящика три вилки, подержала их на ладони и разложила возле тарелок, которые достала утром. Третья оказалась с тонкой синей полосой по краю, из старого набора; обычно Нина ставила её себе, чтобы у остальных посуда была одинаковой.

— А платье лучше верни, пока чек не потеряла, — сказал Вадим, посмотрев на пакет, зажатый теперь между столом и спинкой её стула. — Если на свадьбу покупала, какой смысл оставлять? Ты же говорила, недешёвое. — Он произнёс это без насмешки, с той же практической озабоченностью, с какой обычно советовал не хранить коробки от ненужных вещей. Нина обернулась к нему, всё ещё держа в руке последнюю вилку. — Потом будет лежать, место занимать.

— Его под меня подшили, — ответила она. Пальцы сжались на вилке так крепко, что узкий край ручки больно вдавился в кожу. — Я только что от портнихи. Ты слышал, когда я пришла, я рассказывала. — Нина осторожно положила вилку рядом с тарелкой и расправила угол скатерти. В ателье женщина ещё раз проверила шов, прежде чем упаковать платье, и велела не откладывать покупку белья: оно тоже должно быть удобным, всё-таки целый день на ногах.

— Значит, наденешь по другому случаю, — сказал Вадим и пожал плечами. — На какой-нибудь юбилей, в гости. Не пропадёт. Я же не предлагаю его выбрасывать. — Он протянул руку мимо Нины, поправил ручку пакета, за которую едва не зацепился локтем, и вернулся к прерванной мысли: — С санаторием только затягивать не надо. Хорошие места на лето заранее разбирают.

Нина посмотрела на Дениса. Ей было уже не нужно, чтобы он объяснял отцу что-то сложное или разбирался в их браке; достаточно было попросить его перестать обсуждать, куда ей девать платье. Сын приподнял голову, встретился с ней глазами и тут же отвернулся, будто услышал оклик из прихожей. Микроволновка подала сигнал. Нина не пошевелилась, и через несколько секунд раздался второй короткий писк. Денис отодвинул стул так резко, что ножка зацепилась за край коврика.

— Мам, я пойду, ладно? — сказал он, сунув телефон в задний карман джинсов. — Мне ещё домой ехать. Мы сейчас всё равно ничего не решим, а тебе надо… — Он запнулся, поискал взглядом отца и закончил, уже глядя на Нину: — Надо спокойно обовсём подумать. Я позвоню тебе. Не сегодня, конечно, я понимаю. Завтра позвоню.

— Я ужин разогрела, — произнесла Нина и сразу пожалела, что сказала это. Она ведь не собиралась удерживать его едой, сажать обратно за стол, делать вид, что они поговорили о чём-то неприятном, но вполне обычном и теперь могут поесть. Однако посмотрела на пустую тарелку перед его стулом и спросила: — Ты с работы сразу сюда приехал? Хоть днём ел? — Последние слова дались труднее первых, потому что Денис заметно смутился и, как ей показалось, теперь больше хотел уйти.

— Ел, мам, всё нормально, — ответил он. Денис поцеловал её в висок, торопливо, едва коснувшись губами, и задержал руку на её плече. Раньше Нина в такие минуты всегда поворачивалась к нему, обнимала за спину, а сейчас не смогла заставить себя поднять руки. — Ты только не накручивай себя, хорошо? — добавил сын и убрал ладонь. — Мы же всё равно будем видеться. Я никуда не исчезаю.

Она вышла за ним в прихожую и остановилась возле шкафа, пока Денис надевал куртку. Он возился с молнией, потом долго искал ключи, хотя они лежали в том кармане, куда он всегда их клал. Нина смотрела на его склонённую голову и пыталась придумать слова, после которых он останется не из жалости и не для того, чтобы ещё раз её уговорить. Денис застегнулся, пробормотал, что завтра наберёт, и вышел. Она дождалась, когда перестанут слышаться шаги на лестнице, и повернула замок. Только после этого заметила, что сама так и не сняла сапоги.

Когда Нина вернулась в кухню, Вадим уже держал телефон в руке и быстро печатал большими пальцами. Увидев жену, он дописал сообщение, заблокировал экран и положил аппарат перед собой. Нина открыла микроволновку, взяла форму через полотенце и поставила на деревянную подставку. От запеканки поднялся пар, пахнуло картофелем и подрумяненным сыром. Она выложила порцию на тарелку с синей полосой, потом на тарелку мужа; кусок для Дениса остался в форме, с неровным краем, который она сама только что провела лопаткой.

— И ещё надо решить с квартирой твоей мамы, — сказал Вадим, когда Нина села. Он подвинул свою тарелку, освобождая место для телефона, но вилку не взял. — Если молодым к свадьбе покупать жильё, с продажей пора определяться. Четыре месяца быстро пройдут. Ты хотела сначала вещи разобрать — значит, на выходных съезди, посмотри, что заберёшь. Потом можно будет показывать.

Нина подняла глаза на мужа. О маминой квартире они разговаривали вдвоём, ещё осенью, когда Денис и Ася только объявили, что собираются пожениться. Молодые снимали жильё, деньги уходили каждый месяц, и Нина сама сказала тогда, что незачем держать пустыми две комнаты, если сыну негде устраивать семью. Они решили добавить к выручке часть общих накоплений и купить другую квартиру, поближе к работе Дениса и Аси. За зиму Нина несколько раз ездила к маме — до сих пор именно так говорила об этих поездках, — переби-

рала бельё в комоде, выбрасывала старые квитанции, но до продажи дело ещё не дошло. Она хотела закончить разбор вещей весной, когда станет светлее и не придётся уходить из комнат с тяжёлым чувством, что опять оставляет их на всю долгую тёмную ночь.

— Ты сейчас про это говоришь? — спросила она. Нина посмотрела на его нетронутую тарелку, потом снова на лицо, пытаясь понять, не предлагает ли он таким странным образом вернуться к обычному разговору. — Только что ты сказал, что будешь жить с другой женщиной. Мне предложил уехать со свадьбы сына. И теперь спрашиваешь, когда я продам мамину квартиру?

— А при чём тут одно к другому? — Вадим сдвинул брови и упёрся ладонями в край стола. — Мы для Дениса это решили, для них с Асей. Им жильё нужно независимо от того, что у нас с тобой происходит. Общие деньги, которые собирались добавить, никуда не делись. Ты свою квартиру продаёшь, мы добавляем остальное, покупаем им, как и планировали. — Он немного помолчал и прибавил мягче: — Или ты теперь хочешь всё отменить, потому что обиделась на меня?

Нина опустила взгляд. Лопатка, оставленная в форме, сползла набок, и ей захотелось поправить её, но она удержала руку на колене. До сегодняшнего вечера продажа казалась делом трудным, печальным, однако понятным: мама любила Дениса, радовалась бы, что ему досталось что-то хорошее. Нина представляла, как они с Вадимом приедут к молодым на новоселье, привезут посуду, будут мешаться под ногами с советами. За этим будущим стояла их обычная жизнь, с общей прихожей, с мужниным пальто на соседнем крючке, со звонками сына по вечерам. Теперь Вадим разъединял всё это так уверенно, словно Нина могла за несколько минут понять, что от прежних планов у неё осталось.

— Я сейчас не могу об этом говорить, — сказала она. Нина приподняла голову и увидела на лице мужа раздражение, которого он уже не старался скрывать. — Вадим, я не могу. Не сегодня. — Она замолчала, переждала, пока перестанет дрожать нижняя губа, и задала вопрос, ради которого проводила Дениса до двери, но так и не нашла слов: — Давно он знает про Элину?

— У Дениса сама спроси, — ответил Вадим. Телефон под его рукой завибрировал, и он сразу посмотрел на экран. — Он взрослый человек, я не собираюсь отчитываться за наши с ним разговоры. И не надо его потом дёргать, ему сейчас и без того непросто. — Вадим отодвинул стул и встал, придерживая телефон так, чтобы Нина не видела написанного. — Я наберу человека. Поешь пока, а то опять всё остынет.

Он прошёл мимо, и Нина чуть отодвинула локоть, хотя места ему хватало. В прихожей скрипнула половица, затем открылась дверь комнаты; Вадим не сразу её закрыл, задержался на пороге, уже поднося телефон к уху. Нина услышала короткое «Привет» и не узнала интонацию. Он говорил негромко, без той усталой снисходительности, которая за последние полчаса сделалась почти невыносимой. Потом спросил, поужинала ли она, и, не получив, видимо, определённого ответа, повторил вопрос настойчивее, с заботой. Дверь прикрылась, заглушив остальные слова.

Нина ещё некоторое время сидела, держа вилку над тарелкой. Когда-то Денис любил снимать с запеканки верхнюю корочку, и она всегда отрезала ему угловой кусок, где сыра запекалось больше. Такой кусок остался сейчас в стеклянной форме; возле сыновнего места лежала чистая салфетка. Нина положила вилку, поправила пакет с платьем, чтобы длинный чехол не доставал до пола, и наконец стянула под столом сапоги. Из комнаты доносился приглушённый голос Вадима. Она подтянула к себе тарелку с уже остывающим ужином, но есть так и не начала.

Глава 2. Полгода молчания

После утренней смены Нина пришла в кафе раньше условленного времени и выбрала столик подальше от двери. Здесь, возле работы Дениса, они уже встречались однажды: сын тогда только получил новое место, показывал ей здание через дорогу и рассказывал о людях, чьи имена она старательно запоминала, чтобы потом понимать его разговоры. Сегодня она попросила стол на двоих, сняла пальто и сразу убрала с соседнего стула сумку. На улице опять подморозило, мокрые следы от сапог быстро высыхали на тёмной плитке, а Нина никак не могла согреть пальцы. Утром она сама написала сыну, не дожидаясь обещанного звонка: хотела увидеть его без отца. Денис ответил, что выйдет в обед, и спросил, всё ли у неё нормально.

Он появился с телефоном у уха, остановился у входа, дослушивая собеседника, и только потом заметил мать. Нина успела разглядеть, как изменилось его лицо: ещё секунду назад Денис улыбался, что-то быстро объяснял, а теперь убрал телефон и пошёл к ней с осторожностью, от которой захотелось встать и уйти. Вблизи он выглядел невыспавшимся, под глазами залегли тени. Она едва не спросила, поздно ли он лёг, но вспомнила, зачем приехала, и подвинула к себе чашку.

— Привет, мам, — сказал Денис, коснувшись губами её щеки. Он снял куртку, сел и взял лежавшее на столе меню, хотя смотреть в него не стал. — Ты ела сегодня? Давай тебе что-нибудь закажем, тут суп хороший. — Сын заглянул в её чашку и нахмурился, увидев только чай. — Я вчера хотел ещё набрать, но подумал, что лучше оставить тебя в покое. Папа, конечно, не очень удачно всё сказал.

— Я не об этом хочу поговорить, — ответила Нина. Она держала чашку обеими руками, стараясь согреть пальцы, и смотрела на сына поверх её края. — Денис, скажи мне, давно ты знаешь про Элину? Отец вчера не ответил. Я его спросила после твоего ухода, а он предложил узнать у тебя. — Она поставила чашку на блюдце и добавила, прежде чем Денис успел заговорить: — Мне не нужно сейчас объяснять, как вы хотели сделать лучше. Просто скажи, когда ты узнал.

— В сентябре, — произнёс он после паузы. Денис положил меню, провёл ладонью по столу и посмотрел на мать, словно хотел проверить, как она приняла эту дату. — Примерно полгода назад. Только папа мне совсем по-другому всё объяснил. Он сказал, что вы давно договорились расстаться, просто пока никому не говорите. — Сын наклонился ближе, понизив голос, хотя за соседними столами почти никого не было. — Что ты не хочешь, чтобы родственники знали. Боишься разговоров, вопросов, жалости. Я подумал, раз вы так решили, зачем мне лезть?

Нина опустила глаза на его руки. На правой у Дениса ещё оставалась тонкая светлая полоска возле костяшки: в детстве он рассёк её стеклом, и она долго водила его перевязывать палец. Раньше этот след вызывал только привычное, почти незаметное чувство узнавания; теперь она смотрела на него, потому что на лицо сына смотреть было трудно. В сентябре они ещё ездили вместе на дачу, убирали садовые стулья, закрывали воду. Вадим торопил её, сидя за рулём, а Денис вернулся от машины, забрал тяжёлую сумку с банками и сказал, что она опять нагрузила лишнего. Значит, уже тогда мог знать. Нина подняла чашку, но пить не стала и поставила обратно, пролив немного чая в блюдце.

— А со мной ты разговаривал? — спросила она. Денис шевельнулся, собираясь ответить, но Нина продолжила: — Не о разводе даже. Просто спросить мог, как я, что у нас дома происходит? За полгода мы с тобой сколько раз виделись? — Она достала из держателя салфетку, промокнула пролитый чай и оставила мокрую бумагу возле чашки. — Ты звонил мне, приезжал. Я тебе сама рассказывала про отца. У тебя ни разу не возникло вопроса?

— Мам, он сказал, что тебе неприятно это обсуждать, — ответил Денис. В голосе его появилась просительная нотка, и Нина заранее знала, каким движением он сейчас подастся вперёд: именно так сын просил её не сердиться ещё школьником. — Что вы сами разберётесь, а я только сделаю хуже, если начну расспрашивать. Я ведь не знал, что он тебе вообще ничего не говорил. Думал, вы живёте пока вместе, а между собой уже всё решили. Такое же бывает.

— На Новый год вы с Асей у нас были, — сказала Нина. Она наконец отпустила чашку и положила руки на колени, чтобы больше не перебирать ничего на столе. — Ты помнишь, как мы про лето разговаривали? Сначала ваша свадьба, потом отпуск. Я ещё спрашивала, не хотите ли вы после нашего отъезда пожить у нас, чтобы за свою съёмную квартиру лишний месяц не платить. Отец сказал, что до отпуска надо бы окна отрегулировать. Мы выбирали, куда поехать. — Нина подождала, пока сын поднимет глаза. — Это было похоже на разговор людей, которые уже расстались?

Денис потёр переносицу и посмотрел в окно. Нина вспомнила тот вечер так ясно, что на секунду почти почувствовала запах еловых веток, стоявших у них в стеклянном кувшине: большую ёлку в тот год решили не покупать. После полуночи Ася фотографировала их с Вадимом, просила встать ближе, потому что в кадр попадала дверца шкафа. Муж обнял Нину за талию, она положила ему руку на плечо, и потом этот снимок несколько дней стоял у неё на экране телефона. Денис видел его. Он присылал ей поздравление с Рождеством, спрашивал, закончились ли у неё выходные, и ни разу не поинтересовался, почему она с таким удовольствием показывает всем фотографию человека, с которым якобы договорилась разводиться.

— Я думал, вы не хотите праздник портить, — сказал он наконец. Денис произнёс это без прежней уверенности, глядя куда-то между Ниной и краем стола. — Папа сказал, ты сама просила при мне вести себя как обычно. Я ему поверил. — Подошла официантка, и он с явным облегчением повернулся к ней, заказал кофе, дождался, пока она отойдёт. — Мам, я понимаю, как это сейчас выглядит. Но я не сидел и не думал, как бы тебя обмануть.

— А с ней ты встречался? — спросила Нина. Ей пришлось подождать ответа, потому что сын всё ещё смотрел вслед официантке. — С Элиной, Денис. Я не спрашиваю, что ты обо мне думал. Я хочу понять, что происходило, пока мне говорили, что всё у нас хорошо. — Она заметила, как он прикусил изнутри щёку, и придвинулась ближе к столу. — Вы куда-то вместе ходили?

— В ресторан пару раз, — ответил он. Денис сразу поднял руку, словно Нина уже возражала. — Первый раз папа просто позвал поужинать. Я пришёл, а она там. Он до этого уже рассказал про вас, я и не понял, что должен разворачиваться и уходить. Второй раз… Ну да, второй раз я знал, что она будет. — Он замолчал, потом добавил тише: — Она нормально со мной разговаривала. Спрашивала про работу, про свадьбу. Ничего такого не было.

Нина откинулась на спинку стула. Сын произнёс последние слова так, будто ей нужно было удостовериться, что за столом никто не ругался и не говорил о ней дурного. Она представила, как Вадим знакомит их, кладёт ладонь Элине на спину, подзывает официанта. Денис, наверное, тоже сначала чувствовал себя неловко, а потом втянулся в разговор, рассказал про работу, которую когда-то показывал матери через окно этого кафе. Нина не знала, как выглядела эта женщина, и оттого представление всё время распадалось: оставались только муж и сын, сидящие за чужим столом, и свободное место рядом с Вадимом, которое уже было занято.

— Вчера, когда отец про неё сказал, ты видел моё лицо, — произнесла она. Нина говорила медленно, не потому, что выбирала выражения, а потому, что быстрый вдох царапал горло. — Ты же понял, что я не знала. После этого всё равно стал просить меня уехать. — Она дождалась его взгляда и спросила: — Ты чего боялся? Что я начну кричать прямо там, на кухне? Или что отец рассердится, если ты со мной согласишься?

— Я не знал, что делать, — ответил Денис. Он потянулся к принесённой чашке, но ручка оказалась повёрнута в другую сторону, и сын принялся разворачивать блюдце. — Всё сразу

навалилось. Я правда думал, что ты про Элину знаешь, а говорить будем только о свадьбе. Папа уверял, что так всем будет проще. — Денис поднял глаза на мать, и в его лице мелькнула уже знакомая ей досада: он объяснял, а она всё не помогала ему закончить. — У нас с Асей сейчас каждый день какие-то расходы. Папа с рестораном помогает, квартиру обещал помочь купить. Я не хотел с ним ссориться из-за того, в чём, как мне казалось, вы уже сами разобрались.

— Поэтому и не спрашивал? — Нина произнесла вопрос почти вполголоса. Сын замер, всё ещё касаясь пальцами края блюдца, и она увидела, что ответ ему известен. — Ты же слышал меня на Новый год. И потом слышал, когда я тебе звонила, когда мы про свадьбу разговаривали. Но у отца было объяснение, с которым тебе удобнее было не задавать вопросов. — Она не стала добавлять ничего о деньгах: Денис сам только что о них заговорил, и ей хотелось, чтобы он хотя бы эту часть разговора не мог свести к её обиде на мужа.

— Наверное, да, — сказал он. Денис убрал руку от чашки, сцепил пальцы и посмотрел на них, как будто впервые заметил, что они мешают. — Не хотел я спрашивать. Думал, взрослые люди, сами разберутся. А если начать выяснять, получится, что я должен кого-то поддержать, с кем-то поругаться. — Он резко выдохнул и поднял голову. — У меня нет денег на квартиру, мам. Я работаю, Ася работает, мы откладываем, но это на годы. Когда папа сказал, что поможет, я обрадовался. Да, мне не хотелось всё испортить.

Нина почувствовала, что сейчас заплачет, и повернулась к окну. За стеклом мужчина стряхивал снег с детского самоката, а маленькая девочка в розовой шапке подпрыгивала рядом, нетерпеливо тянула его за рукав. Смотреть на них оказалось ещё тяжелее. Нина достала из сумки бумажный платок, прижала к глазам и услышала, как Денис тихо произнёс её имя. Обычно одного этого хватало, чтобы она поскорее улыбнулась, сказала, что всё хорошо, не нужно обращать внимания. Сегодня она только вытерла лицо и убрала платок в карман. Сын сидел напротив и ждал; ей пришлось выдержать это ожидание прежде, чем задать следующий вопрос.

— Почему ты решил, что легче убрать меня? — спросила Нина. Денис начал было говорить о родственниках, но она остановила его, покачав головой. — Нет, не рассказывай опять, кто с кем поссорится. Мне предложили не приходить на твою свадьбу, а ты согласился. Я твоя мать, Денис. Почему ты не попросил отца приехать без неё?

— Потому что ты поймёшь, — ответил он, и в первые секунды Нине даже показалось, что сын ещё пытается сказать ей что-то хорошее. Денис потянулся через стол, положил ладонь рядом с её рукой и продолжил уже торопливее: — Ты обидишься, конечно, я понимаю. Но потом простишь. Мы же с тобой всё равно… — Он замолчал, заметив выражение её лица, и убрал руку. — А она может поставить его перед выбором. Папа сказал, Элина больше не согласна прятаться. Если он опять отложит, она уйдёт. Я не знаю, что он тогда сделает, как вообще всё повернётся.

Она посмотрела на сына и впервые за весь разговор не стала искать в его лице того мальчика, которому можно объяснить, почему он поступил плохо. Перед ней сидел взрослый мужчина, который хотел получить помощь от отца, сохранить хорошие отношения с его женщиной и не лишиться матери; теперь он ждал, что Нина подскажет, как всё это совместить. Ей по-прежнему хотелось коснуться его щеки, стереть пальцем маленькую тёмную точку возле вчерашнего пореза, спросить, не больно ли ему бриться. От этой нелепой, никуда не исчезнувшей нежности стало так горько, что Нина опустила руки под стол, нащупала ручку сумки и крепко за неё взялась.

— Мне очень больно это слышать, — сказала она. Нина уже не пыталась говорить так, чтобы не привлечь ничьего внимания, но голос всё равно оставался негромким. — Ты полгода знал, ходил с ними ужинать, слушал меня и ничего не спрашивал. А вчера помогал отцу объяснить, почему мне надо исчезнуть со свадьбы. Я надеялась, что ты растерялся, не понял, что он предлагает. Теперь слышу, что ты просто рассчитывал на моё прощение. — Она поднялась

и сняла пальто со спинки стула. — Не нужно сейчас меня успокаивать. Я не могу сделать вид, что мы поговорили и всё уладили.

Денис тоже встал, неловко задел стол, и кофе плеснул через край чашки. Он предложил вызвать ей такси, потом проводить до остановки, заговорил о том, что ей нехорошо, но Нина только попросила подать шарф, соскользнувший на сиденье. Она видела, как сын мнёт его в руках, прежде чем протянуть, и знала, что достаточно задержаться ещё на минуту — начнёт успокаивать, объяснять, что не перестала его любить. Нина обмотала шарф вокруг шеи, оставила деньги за чай под блюдцем и пошла к выходу. За спиной скрипнул стул, но Денис не окликнул её. На улице она несколько шагов прошла, не разбирая дороги, затем остановилась у стены, пропуская людей, и только тогда застегнула пальто.

Домой она добралась к середине дня и долго не снимала пальто, стоя у окна в кухне. Вадим оставил в раковине чашку, рядом лежала ложка с засохшим йогуртом. Нина повернула кран, сполоснула ложку и только потом заметила, что всё ещё держит сумку на плече. Она отнесла вещи в прихожую, переоделась и села в кресло в маленькой комнате, где обычно смотрела телевизор, если муж занимал большую своим футболом. Телевизор включать не стала. В сумке время от времени загорался телефон; приходили сообщения из рабочего чата, уведомление о скидке в магазине, но от Дениса ничего не было.

Ася позвонила ближе к вечеру. Нина увидела её фотографию на экране и на секунду закрыла глаза: говорить ещё с кем-то о случившемся не хотелось, а притворяться, что она просто устала, уже не получалось. Телефон продолжал звонить, и Нина всё-таки ответила. В голосе невесты слышалась обычная торопливая оживлённость, на заднем плане хлопнула дверца, звякнули ключи. Ася извинилась, что без конца её беспокоит, и заговорила о мастере, которого нашла для свадебной причёски.

— Она может приехать утром ко мне и сразу всем сделать, — объяснила девушка. Нина слышала, как та шуршит чем-то, вероятно снимая куртку. — Мама согласна, я ещё про вас хотела уточнить. Вы же со мной будете собираться? Мы в три руки как-нибудь с моими пуговицами справимся, я одна их точно не застегну. — Ася тихонько рассмеялась, потом остановилась, не получив ответа. — Нина Павловна, вы меня слышите? Я сейчас в коридоре, тут иногда связь пропадает.

— Слышу, — сказала Нина и выпрямилась в кресле. Она посмотрела на открытую дверь комнаты, за которой никого не было, и убрала с колен маленькую подушку. — Ася, я пока не знаю, как с этим быть. Вадим вчера сказал, что на вашу свадьбу придёт с другой женщиной. Со мной он собирается разводиться. — Нина замолчала, почувствовав, как опять стянуло горло, но Ася не торопила её. — А мне предложили на это время уехать в санаторий. Денис с ним согласился.

На другом конце перестали шуршать. Нина слышала только дыхание девушки, и ей захотелось немедленно добавить что-нибудь менее страшное, заверить, что она сама разберётся, пусть молодые не волнуются. Она даже открыла рот, но так и не нашла слов, которые были бы правдой. Ещё утром Нина думала, что Ася, возможно, обо всём знает, просто Денис не захотел вчера приводить её на этот разговор. Теперь растерянное молчание девушки больше походило на её собственное, у кухонного стола, когда Вадим произнёс имя Элины.

— Подождите, какой санаторий? — спросила Ася. Она заговорила медленно, отчётливо, словно боялась неправильно понять. — Именно в дни свадьбы? Денис вчера что-то сказал, что вы хотите летом отдохнуть, но я думала, это потом. Вы же платье выбрали, мы с вами… — Девушка оборвала себя, и Нина услышала, как она шумно выдохнула. — Нина Павловна, вы сами хотите уехать?

— Нет, — ответила Нина. Она провела пальцами по подлокотнику, нащупала разошедшийся шов и отвела руку, чтобы не тянуть нитку. — Я не собиралась никуда ехать. Я хочу быть на вашей свадьбе, Ася. Мне предложили записать вам поздравление, чтобы его показали

в ресторане, а гостям сказать, будто я сама захотела побыть одна. Денис сегодня просил согласиться. Говорил, что иначе на празднике будет скандал. — Нина проглотила подступивший комок и добавила: — Я не знала, что тебе сказали. Думала, вы это обсуждали.

— Нет, не обсуждали, — отозвалась Ася, и в её голосе впервые появилась злость. Нина невольно напряглась, но девушка продолжила: — Со мной вообще никто не говорил о том, чтобы вас не было. Я вас жду на свадьбе. И собираться утром хочу с вами и с мамой, если вы сами не против. — Она помолчала, потом спросила уже мягче: — Вы сейчас дома? Я могу вечером приехать, если вам одной тяжело. Только сначала мне нужно поговорить с Денисом. Я не понимаю, как он собирался мне всё это объяснять.

Нина отказалась от приезда: сил принимать кого-нибудь у неё не было. Ася не стала настаивать, лишь повторила, что в санаторий ради них ехать не нужно, и попросила пока не отказываться от причёски. На этом простом, почти нелепом возвращении к мастеру Нина едва не заплакала снова. Девушке было двадцать семь, они знали друг друга всего несколько лет, а она уже оставляла для Нины место в том утре, из которого сын так легко согласился её убрать. Нина попросила передать привет Асиной матери, услышала в ответ осторожное «Вы мне звоните» и положила телефон на колени. После разговора ей стало немного легче дышать, хотя ни муж, ни сын ещё не сказали ничего, что хотелось бы от них услышать.

Вадим вернулся, когда за окном начало темнеть. Он заглянул в комнату, спросил, дома ли она весь день, и, не дождавшись подробного ответа, пошёл переодеваться. Нина слышала, как открывается шкаф, как муж отодвигает плечики, ищет домашнюю рубашку. Потом зашумела вода в ванной. Ей было странно сидеть неподвижно, пока он ходил по квартире, в которой оставались его тапочки, бритва, очки на тумбочке, хотя разговаривал он с ней уже как человек, которому всё это можно было не объяснять. Когда снова зазвонил телефон, она успела испугаться, что это Ася передумала и сейчас станет просить её о том же, о чём просил Денис.

— Ты зачем ей всё рассказала? — спросил сын, едва Нина ответила. Он говорил сдержанно, но быстро, и она сразу поняла, что разговор у них с Асей уже состоялся. — Мы же сегодня с тобой виделись. Нельзя было сначала со мной договориться, а потом уже её втягивать? — В трубке что-то стукнуло, заскрипела дверь. — Она теперь говорит, что я всё решил за неё. Спрашивает, что ещё я от неё скрываю. Ты этого хотела?

— Она позвонила узнать, буду ли я утром собираться с ней, — ответила Нина. Вадим вышел из ванной, прошёл по коридору и на секунду замедлил шаг возле открытой двери, услышав её голос. Нина отвернулась к окну. — Мне нужно было сказать, что буду? Или что я очень хочу в санаторий и поэтому на свадьбу не приду? Денис, я ответила на её вопрос. Я не звонила ей жаловаться на тебя.

— Можно было не рассказывать всё сразу, — сказал он. Сын уже не пытался скрыть раздражение; Нина слышала, как он ходит, и представляла, что Ася сейчас в другой комнате, ждёт, когда он вернётся. — Сказать, что пока не решила. Я бы потом сам объяснил. Теперь получается, что я её обманывал, хотя я просто хотел сначала с вами всё уладить. Папа говорил, что ты согласишься, только тебе нужно время. — Денис набрал воздух и продолжил тише: — Мам, ну ты понимаешь, что она после этого обо мне думает?

Нина поднялась с кресла, подошла к окну и отодвинула край занавески. На стекле отражалось её лицо, бледное, с припухшими веками; за отражением светились окна соседнего дома. Ещё вчера она стала бы искать слова, которые помогут ему вернуться к Асе без стыда, объяснила бы, что молодые любят друг друга и не должны ссориться из-за родителей. Теперь сын требовал от неё того же самого, даже после встречи в кафе. Нина прижала ладонь к прохладному подоконнику и дождалась, пока он закончит говорить.

— Я не обещала уезжать, — сказала она. Голос дрогнул, и Нина остановилась, сделала вдох, прежде чем продолжить: — Ни вчера, ни сегодня. Не было разговора, в котором я сама попросила отправить меня в санаторий. Подтверждать это я не стану. — Денис начал возра-

жать, но она перебила его, впервые за весь звонок: — Я очень устала. Сегодня больше говорить не могу. Объясни Асе сам, почему решил, что я соглашусь.

Она убрала телефон от уха, пока сын ещё что-то говорил, и нажала на красную кнопку. Несколько секунд Нина смотрела на погасший экран, ожидая немедленного нового звонка; ей даже показалось, что пальцы чувствуют вибрацию. Потом положила аппарат на комод и отошла. Из кухни донёсся звон посуды, почти сразу за ним — мелодия телефона Вадима. Нина услышала мужнино «Да, Денис», затем короткое «Понял», и через несколько минут он появился в дверях.

— Ты можешь хотя бы сегодня остановиться? — спросил Вадим. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел на неё с тем недовольством, которое раньше обычно означало, что она выбрала неудачное время для разговора. — Денис с Асей поругались. Ты чего добиваешься? Чтобы они из-за нас свадьбу отменили? — Муж выждал, но Нина не ответила, и он продолжил спокойнее: — Ему сейчас и так тяжело. Тебе же проще уступить, чем смотреть, как у мальчишки всё рушится.

Эти слова она уже слышала. Три года назад, в мае, у Дениса неожиданно сдвинулся переезд: хозяевам понадобилось освободить квартиру раньше, а ключи от новой ему отдали только накануне оговорённого дня. Он тогда жил один, недавно вышел на работу и боялся отпрашиваться, чтобы не начинать с просьб. Вадим был в командировке, а Нина через два дня должна была ехать с подругой Ларисой в Калининград. Поездку оплатили заранее, ещё зимой; они выбрали маленькую гостиницу, составили список мест, куда хотели попасть, и Лариса уже купила смешные одинаковые дождевики. Нина помнила, как стояла в этой же комнате возле открытого чемодана и слушала мужа по телефону. Он говорил, что поездок у неё ещё будет сколько угодно, а сыну помочь сейчас некому.

Она тогда тоже пыталась объяснить, что давно ждала этих пяти дней, что Лариса расстроится и часть денег уже не вернут. Вадим выслушал и спросил почти теми же словами: неужели ей проще уехать и знать, что у мальчишки всё рушится, чем один раз уступить? Нина осталась. Четыре дня паковала книги и посуду, принимала грузчиков, отмывала чужой холодильник в новой квартире, куда сын возвращался вечером с работы. Помощь действительно была нужна, и Денис не делал вид, будто она обязана была всё бросить: купил ей букет, заказывал еду, обнимал, благодарил. Она до сих пор не жалела, что помогла ему тогда. Но, когда Лариса прислала фотографию с моря, Нина долго рассматривала пустой складной стул рядом с подругой и никому не сказала, как ей обидно.

— Ты меня слышишь? — Вадим оттолкнулся от косяка и вошёл в комнату. Нина повернулась к нему, всё ещё помня тяжесть коробки, которую они с сыном тащили по лестнице втроём с грузчиком. — Я не прошу ничего невозможного. Надо переждать, дать всем успокоиться. Ты мать, могла бы подумать о нём, а не только о том, как тебя обидели. — Муж остановился возле кресла и положил руку на спинку. — Вы всегда нормально договаривались. Зачем сейчас доводить до такого?

Нина посмотрела на его руку. Вадим всё ещё носил кольцо, хотя вчера говорил, что больше не собирается скрывать новую жизнь. Ей хотелось спросить, почему оно до сих пор на пальце, но она поняла, что тогда они опять начнут говорить об Элине, о разводе, о том, чего он вправе хотеть в свои пятьдесят семь. Нина устала и не могла выдержать ещё один такой разговор. Она помнила, как после той несостоявшейся поездки радовалась, что у Дениса наконец всё устроено, как вместе с ним распаковывала последнюю коробку. Что должно было обрадовать её на этот раз, Вадим так и не объяснил.

— Санаторий не бронируй, — сказала она. Нина подняла с кресла подушку, положила её на диван и пошла к шкафу за постельным бельём. — Я туда не собираюсь. Асе я сказала, что хочу быть на свадьбе. Это правда, Вадим. — Он хотел что-то ответить, но она уже достала

простыню и, прижав её к груди, попросила: — Выйди, пожалуйста. Мне нужно лечь. Я почти не спала.

Вадим постоял ещё немного, будто ждал, что она вернётся к разговору, затем убрал руку со спинки кресла и вышел. Нина разложила диван, расправила простыню, дважды подвернула сбившийся угол. Телефон остался на комоде, и, укладываясь, она всё-таки потянулась было забрать его, как делала всегда, чтобы услышать сына, если ему понадобится позвонить. Рука остановилась на полпути. Нина выключила торшер, легла и натянула одеяло до плеч; несколько минут она прислушивалась к звукам из коридора, но вставать за телефоном не стала.

Глава 3. Квартира моей матери

К концу не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.